

Воспоминанія донского офицера

о служебной поѣздкѣ въ Германію осенью 1918 года.

К. Г. Сережникова.

I

НОВОЧЕРКАССКЪ И КІЕВЪ.

Настроение, нѣсколько праздничное,—несмотря на близость большевиковъ, наличие фронта и сомнительность положенія Дона, — которое я встрѣтилъ въ іюнѣ 1918 года въ Новочеркасскѣ, не вызывало во мнѣ сочувствія и не заражало меня. Определенно чувствовалось, что всѣ эти люди, отчасти продѣлавшіе очень трудные походы («Ледяной» — Корниловскій и «Степной» — ген. Попова), отчасти просто прибывшіе изъ донской глуши или освобожденные отъ необходимости скрываться въ самомъ городѣ, наконецъ, свободно вздохнули, рады солнцу, возможности носить погоны, кокарды, ордена и лампасы, посѣщать знакомыхъ, рестораны и ухаживать. На верхахъ Красновской организаціи, только что имъ построенной, немедленно послѣ избранія его «Кругомъ Спасенія Дона», стояли люди или узко мѣстные, губернскаго, но не государственнаго размаха, или его бывшіе однополчане и сослуживцы, генералы и офицеры казачьихъ гвардейскихъ полковъ, въ лучшемъ случаѣ привезшіе изъ столицы нѣкоторый свѣтскій лоскъ, въ худшемъ — основательное знакомство съ петербургскими кабаками. Немногіе пріѣзжіе петербуржцы и москвичи, вошедшіе въ новую донскую организацію и занявшіе болѣе или менѣе видные посты, не принадлежали къ выдающимся бѣглецамъ на югъ. Послѣдніе определенно тяготѣли къ Екатеринодару и Добровольческой Арміи. На Дону осѣдали собственно только тѣ, которые имѣли здѣсь какія либо старыя связи, подлежавшія теперь обновленію...

Но всѣ, конечно, были полны жгучей ненависти къ большевикамъ. Насколько помню, Новочеркасское общество какъ то даже не отдавало себѣ отчета, что начиналась или, вѣрнѣе, уже началась гражданская война. Это слово не произносилось. Оно появилось

позднѣе и стало ходкимъ лишь за предѣлами Россіи, послѣ Крымской эвакуаціи. Потому ли, что оно могло навести на опасную мысль о возможности обсуждать событія и съ противоположной стороны или просто потому, что людямъ мало свойственно подводить что либо сильно ихъ захватившее подъ общее понятіе — процессъ, всегда умѣряющій страсти и будящій мысль, — не берусь судить. Но въ то лѣто въ Новочеркасскѣ «защищали свободу родного Дона», давали должный отпоръ «кучкѣ насильниковъ и грабителей», иногда даже «сражались за честь и достоинство Россіи», — но не вели гражданской войны.

Такихъ настроеній я раздѣлять не могъ. Я чувствовалъ себя чужимъ въ этой атмосферѣ. Меня не покидало острое ощущеніе дисгармоніи между совокупностью происходящаго въ Россіи и Новочеркасскими тенденціями и дѣлами, столь опредѣленно окрашенными идеологіей одного сословія, офицерства, — обиженнаго и гонимаго, оскорбленнаго и деклассированнаго, преслѣдуемаго и истребляемаго, готоваго жестоко мстить, — быть можетъ, какъ разъ лучшихъ представителей его, но именно поэтому безнадежно — никогда не умѣвшихъ и не желавшихъ видѣть никакой иной Россіи, кромѣ официальной, склонныхъ объяснять все происшедшее только тѣмъ, что «не сумѣли во время удержать».

Правда, среди казачьихъ верховъ все это нѣсколько умѣрялось специально казачьими тенденціями, оттѣнкомъ, всегда живымъ, извѣстнаго сепаратизма, извѣстной враждебности къ бюрократическому Петербургу, извѣстнаго стремленія указывать, какъ на опору, да и фактически опираться на широкую казачью массу. Однако, въ глазахъ человѣка, привыкшаго разсматривать событія съ общерусской точки зрѣнія, въ этомъ не могло быть ничего существенно новаго для оцѣнки тенденцій Новочеркасска, прежде всего сословныхъ. Вѣдь та волна казачьихъ возстаній противъ большевиковъ, которая дала возможность казачьимъ верхамъ воспользоваться ею и возглавить ее, прежде всего также объяснялась стремленіемъ рядового казака защитить свои сословные интресы землевладѣльца, привилегированнаго какъ по отношенію къ неказачьему населенію Донской области, т. наз. «иногороднимъ», такъ и по отношенію къ крестьянамъ сосѣднихъ губерній, отъ волны «чернаго предѣла», докатившейся до Дона.

Лѣтомъ 1918 года все это, естественно, въ моемъ сознаніи не принимало столь отчетливой формы, но стремленіе осмыслить происшедшее шло именно въ этомъ направленіи, быть можетъ, тоже нѣсколько одностороннемъ. Меньше всего я самъ былъ склоненъ привѣтствовать успѣхи большевиковъ. Но переродиться въ кадрового офицера, думать и чувствовать, какъ онъ, или превратиться въ настоящаго казака и вѣрить, что Донская область важнѣе всей Россіи, — а были и такіе голоса, — я тоже не могъ.

Съ моимъ другомъ, нынѣ покойнымъ художникомъ В. (впослѣдствіи звѣрски разстрѣлянъ большевиками), мы часто обсуждали наше очень изолированное положеніе на Дону. Мы оба были петербуржцами, попавшими на Донъ не въ качествѣ бѣжавшихъ отъ боль-

шевиковъ буржуевъ, а еще до революціи, вслѣдствіе необходимости отбыть военную службу въ казачьихъ частяхъ. О томъ, чтобы выпиться изъ казачьяго сословія, къ которому мы принадлежали по рожденію, мы своевременно не позаботились, относясь къ своему «казачеству», какъ къ смѣшному пережитку, не предполагая, что ему въ близкомъ будущемъ предстоитъ властно вмѣшаться въ нашу жизнь. Хлопотать о разрѣшеніи служить въ регулярной части во время войны — мнѣ предстояло бы заняться этимъ осенью 1915 года — было долго и сложно (требовалось чуть ли не Высочайшее соизволеніе), я чувствовалъ себя очень утомленнымъ послѣ университетскихъ экзаменовъ, и рѣшилъ пойти въ сторону наименьшаго сопротивленія. Нѣсколько позднѣй также поступилъ мой другъ. Лѣтомъ 1918 года мы снова встрѣтились, и на этотъ разъ въ Новочеркасскѣ. Кромѣ попытокъ оцѣнить общее положеніе и перемѣны, происшедшія за годъ, мы были заняты рѣшеніемъ вопроса, непосредственно насъ затрагивавшаго. Мы находились въ особомъ государствѣ («государственномъ образованіи», какъ стали выражаться нѣсколько позднѣй) въ качествѣ его полноправныхъ и даже привилегированныхъ гражданъ («казаковъ», не «иногороднихъ» или бѣженцевъ), соотвѣтственно обязанныхъ нести и всѣ повинности, въ томъ числѣ воинскую, ибо наша новая родина вела войну. Съ моимъ другомъ дѣло обошлось довольно просто. Его, юнкера сотни Николаевского Кавалерійскаго училища, въ Новочеркасскѣ не признали годнымъ къ военной службѣ и онъ легко поступилъ дѣлопроизводителемъ (по вольному найму) въ одно изъ учреждений въ Новочеркасскѣ. Мнѣ, казачьему офицеру, произведенному въ хорунжіе еще Высочайшимъ приказомъ, прибывшему изъ глухой станицы въ Новочеркасскѣ для регистраціи въ Войсковомъ Штабѣ, согласно одного изъ первыхъ приказовъ Краснова, предстояло быть командированнымъ въ самомъ непродолжительномъ времени въ одну изъ фронтовыхъ казачьихъ частей (ведшихъ бои, насколько помню, подъ Царицыномъ).

* * *

Хорошо я поступилъ или плохо, — объ этомъ пусть судятъ другіе. Но съ помощью нѣкоторыхъ связей, не безъ усилій и не безъ перебоевъ въ ходѣ дѣла, я вскорѣ добился отмѣны распоряженія Войскового Штаба и, вмѣсто того, чтобы ѣхать на Царицынскій фронтъ, былъ прикомандированъ къ Отдѣлу Иностранныхъ Дѣлъ, а примѣрно черезъ мѣсяць выѣхалъ въ Германію съ порученіемъ по вопросу объ обмѣнѣ военноплѣнными.

Отдѣлъ Иностранныхъ Дѣлъ Всевеликаго Войска Донского, одинъ изъ его отдѣловъ, или, какъ поясняли въ частномъ разговорѣ, Министерствъ Донской республики, былъ учрежденіемъ довольно своеобразнымъ. Въ то время, какъ другіе отдѣлы, Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ и даже Коневодства и Ремонтированія, впоследствии вызывавшій не мало улыбокъ (донцовъ спрашивали: «скажите, а министра овцеводства у васъ нѣтъ?») уже имѣли почву подъ ногами въ видѣ соотвѣтствующихъ органовъ министерствъ прежней Россіи (или, по крайней мѣрѣ, ихъ мѣстныхъ учреж-

деній), Отдѣлу Иностранныхъ Дѣлъ приходилось строиться заново. И постройка эта, естественно, производилась подъ вліяніемъ потребностей минуты. При этомъ дѣла «высокой дипломатіи», — вплоть до пресловутаго письма Императору Вильгельму II, — велъ самъ Атаманъ Красновъ. Отдѣлъ Иностранныхъ Дѣлъ занимался вопросами второстепенной важности. «Всевеликое Войско Донское» имѣло въ то время Атамановъ Зимовыхъ станицъ (т. е., поясняли въ скобкахъ, полномочныхъ посланниковъ) при гетманѣ Скоропадскомъ, при Кубанскомъ Правительствѣ, въ Крыму (относительно послѣдняго не помню точно, былъ ли онъ уже лѣтомъ 1918 года; возможно, что онъ былъ назначенъ нѣсколько позднѣе) и представителя въ Ростовѣ н./Д., при германскомъ штабѣ. Впослѣдствіи, послѣ ухода нѣмцевъ, паденія Скоропадскаго и сосредоточенія всѣхъ дѣлъ съ представителями союзныхъ державъ въ соотвѣтствующихъ учрежденіяхъ Главнаго Командованія, донской Отдѣлъ Иностранныхъ Дѣлъ занимался только двумя видами дѣлъ: перепиской съ консулами и вице-консулами въ Ростовѣ, почему то тамъ пребывавшими и занимавшимися главнымъ образомъ спекуляціей, и перепиской съ своими представителями, уцѣлѣвшими (на Кубани) или вновь учрежденными (на Терекѣ и... при Ставкѣ Главнокомандующаго). Послѣдній курьезъ былъ впрочемъ, въ концѣ концовъ, уже наканунѣ эвакуаціи устраненъ передачей представительства при Ставкѣ въ вѣдѣніе Войскового Штаба. Содержаніе переписки съ консулами исчерпывалось постоянными треніями и дрызгами по поводу немилосердно реквизируемыхъ у иностранныхъ подданныхъ, и, кажется, даже у самихъ консуловъ автомобилей и квартиръ. Содержаніе второй у меня плохо осталось въ памяти. Кажется, это были дѣла военного порядка преимущественно, снабженія, товарообмѣна. Помню также смутно привѣтственные рѣчи, произносившіяся въ засѣданіяхъ Кубанской Рады отъ имени Дона представителемъ на Кубани по разнымъ поводамъ, текстъ которыхъ препровождался имъ въ Отдѣлъ дополнительно. Лучшее всего остались въ памяти постоянныя жалобы на задержки въ уплатѣ жалованья, недостаточность окладовъ въ связи съ растущей инфляціей и дороговизной и просьбы о пересмотрѣ штатовъ. Штаты всегда пересматривались. Это былъ одинъ изъ незатихавшихъ вопросовъ. Что же касается иностранныхъ представителей въ Новочеркасскѣ, то, кромѣ сначала германскихъ офицеровъ, а потомъ французскихъ и англійскихъ (съ ними отдѣлъ почти не соприкасался) у меня остался въ памяти только украинскій консулъ М-о (правительства Скоропадскаго), добродушный и медлительный, часто посѣщавшій Отдѣлъ Иностранныхъ Дѣлъ въ длиннополомъ сюртукѣ съ университетскимъ значкомъ. Послѣ паденія Скоропадскаго онъ продолжалъ считать себя консуломъ и выдавать украинскіе паспорта, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ Ставки Главнокомандующаго (ибо лица, получившія такіе паспорта, считали себя какъ бы иностранцами, свободными отъ мобилизацій, производимыхъ Главнокомандующимъ). Это обстоятельство вызвало длинную переписку съ нимъ и переговоры. Конецъ былъ тихій и мирный: экс-консулъ поступилъ на службу въ Донской Отдѣлъ Внутреннихъ дѣлъ.

О томъ, насколько всѣ эти дѣла заслуживали названіе иностранныхъ, никто особенно не беспокоился. Служащіе канцеляріи отдѣла часто называли его между собой «Отдѣломъ весьма странныхъ Дѣлъ», но были въ общемъ довольны службой, необременительной канцелярской работой и ничтожными, но все же нѣсколько повышенными сравнительно съ другими учрежденіями окладами. Къ тому же канцелярія Отдѣла долгое время помѣщалась въ Атаманскомъ дворцѣ. А это было даже «шикарно».

Вся эта идиллія, впрочемъ, расцвѣла позднѣе. Лѣтомъ 1918 г. отдѣлъ сохранялъ еще нѣкоторый признакъ иностранности въ виду присутствія нѣмцевъ и необходимости имѣть съ ними дѣла. Однимъ изъ такихъ дѣлъ былъ обмѣнъ военноплѣнными. Съ нимъ мнѣ и пришлось познакомиться на первыхъ порахъ.

* * *

Соглашеніе между Дономъ и германскимъ командованіемъ относительно обмѣна военноплѣнными было заключено очень просто. Нѣмцы по понятнымъ причинамъ торопились собрать своихъ людей, столь необходимыхъ имъ, и съ полной готовностью шли навстрѣчу желанію Донского Атамана вернуть на Донъ казаковъ, находившихся въ германскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ. Обмѣнъ долженъ былъ производиться на равныхъ основаніяхъ. Одинъ нѣмецъ на одного русскаго, но, въ то время, какъ нѣмцы не дѣлали никакой разницы между уроженцами отдѣльныхъ частей Германіи, со стороны Донского Атамана, также нуждавшагося прежде всего въ бойцахъ, т. е. казакахъ, была внесена оговорка о возвращеніи въ первую очередь донскихъ казаковъ, затѣмъ казаковъ другихъ войскъ, послѣ нихъ коренныхъ жителей Дона не-казаковъ, и лишь по исчерпаніи послѣднихъ всѣхъ остальныхъ русскихъ.

Никакого письменнаго договора не существовало. Какъ мнѣ впослѣдствіи, въ Кіевѣ, съ большимъ удовлетвореніемъ рассказывалъ германскій капитанъ фонъ Л., заключившій соглашеніе съ германской стороны, оно было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ и основывалось только на честномъ словѣ, данномъ взаимно двумя офицерами, русскимъ и германскимъ, т. е. Атаманомъ Красновымъ и имъ, фонъ Л-омъ. На Дону же условія соглашенія были просто объявлены въ приказѣ по Войску.

Однако, именно оговорка, внесенная Атаманомъ, привела на первыхъ же порахъ къ затрудненіямъ въ этомъ дѣлѣ. Съ Дона шли эшелоны съ подлинными нѣмцами, но на Донъ прибывали казаки очень сомнительные, нерѣдко крестьяне Тульской или Рязанской губ. Въ отвѣтъ на жалобы и протесты нѣмцы не безъ основанія указывали, что на мѣстахъ германскіе коменданты лагерей военноплѣнныхъ часто не въ силахъ разобраться среди вполне понятнаго возбужденія, поднимающагося при вѣсти о возвращеніи. Всѣ хотятъ на родину и готовы вернуться подъ любымъ флагомъ. Услышавъ о томъ, что берутъ сначала казаковъ, всѣ стремятся стать казаками и заявляютъ, что они до тѣхъ поръ скрывали свою принадлежность къ этому сословію. Тѣмъ не менѣе, нѣмцы готовы были итти навстрѣчу и

просили прислать компетентное лицо, могущее разобраться въ сомнительныхъ случаяхъ и помочь лагернымъ комендантурамъ.

Такъ случилось, что я, надѣясь хоть на время уйти отъ нашей русской домашней распри, на дѣлѣ до извѣстной степени повезъ ея соръ изъ избы. Но понялъ я это позднѣе, уже въ Германіи. Въ то время ожиданіе новыхъ впечатлѣній, которыя мнѣ сулила эта поѣздка, очень содѣйствовало моему вполнѣ искреннему желанію возможно точнѣй выполнить возложенное на меня порученіе.

Я выѣхалъ изъ Новочеркасска 15-го сентября стараго стиля, снабженный соотвѣтствующими удостовѣреніями, какъ отъ своего начальства, такъ и отъ германскаго штаба въ Ростовѣ, и дня черезъ два прибылъ въ Кіевъ. Въ Кіевѣ временъ нѣмцевъ и гетмана Скоропадскаго мнѣ пришлось провести около трехъ недѣль въ ожиданіи разрѣшенія на вѣздъ отъ германскаго военнаго министерства. Вслѣдствіе крайняго переполненія города — всѣ значительныя гостиницы были реквизированы для различныхъ германскихъ учреждений — и трудности найти помѣщеніе гдѣ бы то ни было, даже въ офицерскихъ общежитіяхъ, я помѣстился временно въ вагонѣ, находившемся въ распоряженіи Атамана Зимовой станицы на Украинѣ (т. е. донскаго представителя), генерала Ч. Этотъ вагонъ (какъ сейчасъ помню, вагонъ - микстъ № 126) стоялъ на запасномъ пути противъ городского подвѣзда деревяннаго временнаго вокзала. На этомъ подвѣздѣ красовалась надпись: «Отхід потягів», т. е. отправленіе поѣздовъ. Эти два слова такъ и остались единственными, сохранившимися у меня въ памяти изъ всего богатства тщательно вводимаго новаго украинскаго языка. Въ Кіевѣ всѣ отлично понимали по-русски и не было никакой надобности обременять свою память.

Германскіе офицеры въ Кіевѣ явно отдыхали. Дѣловой день у нихъ начинался только въ 10 часовъ утра, т. е. съ точки зрѣнія нѣмецкихъ обычаевъ и привычекъ очень поздно. Раньше этого времени ни одинъ ординарецъ не рѣшался докладывать, ссылаясь на то, что «die Herren» либо еще спятъ, либо только пьютъ утренній кофе. Сами офицеры производили впечатлѣніе нѣсколько вялыхъ, заспанныхъ, только что напивавшихся послѣ долгой голодовки людей.

На первыхъ же порахъ въ моемъ дѣлѣ произошла нѣкоторая задержка. Капитана фонъ-Л., заключившаго соглашеніе о военноплѣнныхъ, въ Кіевѣ по какимъ то причинамъ не было. Замѣнявшій его маіоръ М. былъ въ отпуску, и меня просили подождать возвращенія перваго, какъ единственнаго человѣка, хорошо знакомаго съ моимъ дѣломъ. Дня черезъ три, когда я снова посѣтилъ гостиницу Кане, въ которой помѣщалось соотвѣтствующее германское учрежденіе (не помню названія), мнѣ сообщили, что капитанъ фонъ-Л., будучи въ Германіи, заболѣлъ и въ ближайшее время въ Кіевѣ не ожидается. Я просилъ поэтому его замѣстителя (не помню фамиліи) взять на себя запросить Берлинъ о разрѣшеніи на мой вѣздъ, полагая, что тамъ не могутъ не быть освѣдомленными о цѣли моей поѣздки. Это было

мнѣ обѣщано, и недѣли черезъ двѣ я получилъ это разрѣшеніе. Свободное время, которымъ я располагалъ съ избыткомъ въ ожиданіи разрѣшенія, я старался использовать, присматриваясь къ тому, что привезли съ собой нѣмцы. Впрочемъ, меня интересовала главнымъ образомъ просвѣтительная и освѣдомительная работа, которая слѣдовала за ихъ войсками. Въ Кіевѣ доставлялись газеты и журналы, на одной изъ улицъ, выходящихъ на Крещатикъ, былъ даже книжный магазинъ. Во всѣхъ германскихъ учрежденіяхъ были развѣшаны плакаты, рекламировавшие Украину, въ цифрахъ и таблицахъ говорившіе о ея доходности. Былъ изданъ на нѣмецкомъ языкѣ небольшой путеводитель по Кіеву, очевидно для солдатъ, въ краткой, доступной формѣ рассказывавшій о его достопримѣчательностяхъ. Для просвѣщенія германскихъ офицеровъ въ области русской исторіи былъ командированъ въ Кіевъ профессоръ одного изъ германскихъ университетовъ, специалистъ по восточно-европейской исторіи.

Послѣ вторичнаго телеграфнаго запроса изъ Кіева мое долгожданное разрѣшеніе прибыло, и я могъ готовиться къ отъѣзду. Тогда началось хожденіе по разнымъ германскимъ учрежденіямъ за соотвѣтствующими документами. Но это уже было просто. Изъ одного въ другое меня сопровождалъ ординарецъ, который, приходя со мной къ мѣсту назначенія, немедленно, внѣ всякихъ очередей, проходилъ къ нужному столу, передавалъ бумаги и докладывалъ словесно. Мнѣ оставалось только подтвердить сказанное и получить соотвѣтствующее удостовѣреніе (*Ausweis, Passierschein, Personalausweis* и т. п.). Эти ординарцы оставляли прекрасное впечатлѣніе. Спокойно, дѣловито, безъ всякой суеты, но не теряя ни минуты времени, они шли, поясняли, открывали запретныя двери, предварительно постучавъ, пропускали впередъ и, отчетливо щелкнувъ каблуками передъ офицеромъ, докладывали суть дѣла въ простыхъ короткихъ словахъ. Это были не наши солдаты. Это были совсѣмъ, совсѣмъ другіе люди. Съ однимъ изъ нихъ я разговорился по дорогѣ. Онъ сообщилъ мнѣ, что онъ въ Россіи уже около 3 лѣтъ, что онъ былъ въ плѣну, работалъ въ Полтавской губ. и что ему жилось хорошо. („Ich hab' es gut gehabt“). Это было тоже просто и ясно.

* * *

9-го октября стараго стиля я получилъ наконецъ возможность выѣхать въ Германію. Консульская виза на моемъ паспортѣ гласила: „Dienstreise“ и пропускъ мнѣ былъ данъ только до пограничнаго мѣстечка Скальміерцице (*Skalmiercyze* или въ передѣлкѣ на нѣмецкій ладъ *Skalmierschütz*), въ 8 километр. отъ Калиша, гдѣ я долженъ былъ въ огромномъ концентраціонномъ лагерѣ военноплѣнныхъ начать порученное мнѣ дѣло. На Кіевскомъ вокзалѣ, благодаря содѣйствию коменданта, я получилъ мѣсто въ нѣмецкомъ офицерскомъ вагонѣ и, когда ординарецъ, открывъ дверь одного изъ наиболѣе свободныхъ купѣ, произнесъ: „Mit Genehmigung der Bahnhofkommandantur — ein Ukraine - Offizier!“ , пропуская меня, я сразу очутился въ обществѣ нѣмецкихъ офицеровъ. Ихъ было четыре. Всѣ отвѣти-

ли на мое военное привѣтствіе. Одинъ изъ нихъ подвинулся, чтобы дать мнѣ мѣсто, но разговоръ между ними сразу замолкъ.

Какъ онъ начался снова, уже при моемъ участіи, я не помню. Кажется, я кому то изъ спутниковъ предложилъ спички или помогъ передвинуть чемоданъ. Сначала разговоръ не клеился и ограничивался общими фразами о дороговизнѣ жизни въ Кіевѣ. Затѣмъ—это было уже во время хода поѣзда — одинъ изъ нѣмцевъ, какъ бы желая положить предѣлъ этимъ пустякамъ, мечтательно и нѣсколько восторженно произнесъ: „*Schön so etwas Krieg... Aufmarsch im Westen... Champagner...*“ Эти слова мнѣ показались неискренними, какъ бы пущенными для развѣдки, и я поспѣшилъ возразить, что ничего хорошаго въ войнѣ не нахожу и что шампанское, которое онъ пилъ во Франціи во время наступленія, едва ли было лучше того, которое онъ могъ получить въ мирное время въ любомъ нѣмецкомъ ресторанѣ. Мои слова были приняты, какъ я могъ замѣтить тотчасъ же, весьма сочувственно. Какъ выяснилось изъ дальнѣйшаго разговора, мои спутники не были кадровыми германскими офицерами, а лишь скромными «резервными лейтенантами». Разговоръ на общеполитическія темы начался самъ собой легко и непринужденно. Тотъ моментъ, который я среди своего Кіевского досуга предвидѣлъ и который я представлялъ себѣ однимъ изъ трудныхъ и сложныхъ, прошелъ легко и совершенно безболѣзненно. Дѣйствительность еще разъ обманула ожиданія, всегда односторонне-громоздкія.

Это было время, когда катастрофическое положеніе на западномъ фронтѣ уже вполне опредѣлилось, время канцлерства принца Макса Баденскаго. Хорошо помню первую страницу *Simplicissimus'a*, который я видѣлъ за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Кіева. Широкая спина Гинденбурга, склонившагося надъ картой, а за нимъ толпа бюргеровъ съ перепуганными лицами. Внизу слова Гинденбурга: „*Wir haben die Verantwortung und die Zuversicht*“. Умѣренныя газеты еще дѣлали попытки успокоить и увѣрить, что все благополучно. «Форвертсъ» уже дѣлалъ всѣ выводы и требовалъ отреченія Императора.

— „*Ja, Sie haben aber doch furchtbares erlebt!*“ — говорилъ мнѣ часа черезъ два послѣ отхода поѣзда тотъ самый лейтенантъ запаса, который началъ разговоръ, — «этого у насъ никогда не будетъ, у насъ никогда гнѣвъ не обрушится на всю массу офицерства».

— «Наша дипломатія, — вотъ виновникъ войны, наша дипломатія никуда не годилась», — добавлялъ не совсѣмъ кстати военный летчикъ, сидѣвшій противъ меня.

Мнѣ лично всегда было легко и пріятно говорить съ нѣмцами. За рѣдкими исключеніями они честно стремятся понять собесѣдника и честно взвѣшиваютъ его аргументы.

Часовъ въ 11 мы устроились на ночь. Утомленный послѣдними днями въ Кіевѣ, я крѣпко заснулъ полулежа.

На слѣдующій день поѣздъ безъ опозданія прибылъ въ Голобы откуда начиналась нѣмецкая, узкая колея и гдѣ была поэтому пересадка. Смутно помню унылую картину подъ осеннимъ небомъ, однообразные деревянные бараки, недодѣланную платформу, около которой остановился поѣздъ, печальныя фигуры нашихъ военноплѣн-

ныхъ, привезенныхъ сюда на работу, необычайно медленно тащившихъ какія то доски...

Черезъ часъ, съ другой стороны платформы подошелъ нѣмецкій поѣздъ, настоящій нѣмецкій D—Zug. Тѣ же вагоны, та же чистота, тотъ же ресторанъ. Ожидавшая публика, среди которой было много мѣстныхъ жителей, не спѣша, безъ шума, безъ давки входила въ вагоны; всѣмъ хватило мѣста; всѣ, очевидно, заранее были въ этомъ увѣрены. Послѣ нашей русской вокзальной горячки это мнѣ показалось настоящимъ блаженствомъ. Случайно я оказался снова съ тѣми же спутниками. Разговоръ продолжался, то замолкая, то разгораясь съ новой силой, но ничего существенно новаго мнѣ не далъ. Одно было несомнѣнно. Въ Германіи опредѣленно ждали революціи, опредѣленно разгоралось недовольство, если не социальными порядками, то социальными традиціями, въ силу которыхъ такая, напимѣръ, важнѣйшая государственная работа, какъ дипломатическая, была въ рукахъ одной замкнутой касты.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ. На одной изъ промежуточныхъ станцій въ наше купэ вошелъ высокаго роста оберъ-лейтенантъ. Появленіе новаго лица, естественно прервало разговоръ и вотъ, когда онъ, занявъ единственное свободное въ отдѣленіи мѣсто, щелкнулъ небольшимъ серебрянымъ «цигареттенэтюи» и закурилъ папиросу, я попытался, обращаясь къ своему собесѣднику, закончить прерванную мысль. Но онъ такъ выразительно указалъ мнѣ глазами на только что вошедшаго, что я сразу замолкъ и сталъ наблюдать. Это былъ офицеръ совершенно иного типа. Онъ былъ элегантно одѣтъ, гораздо лучше моихъ прежнихъ спутниковъ, въ чертахъ его лица невольно чувствовалась порода, въ манерахъ много претензіи и позы. Позднѣе онъ самъ заговорилъ. Онъ говорилъ нехотя, свысока и исключительно о погодѣ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходилось бывать съ полкомъ, и въ разное время года. Мои спутники отвѣчали ему почтительно. На меня онъ не обращалъ никакого вниманія, какъ будто меня не существовало, какъ будто шестое мѣсто въ купэ было пусто.

Вечеромъ въ Варшавѣ у меня была новая пересадка. Ждать поѣзда пришлось около 5 часовъ. Я провелъ ихъ въ устроенномъ на нѣмецкій ладъ съ нѣмецкой прислугой ресторанѣ I-го и II-го класса, въ послѣдній разъ поужинавъ (до возвращенія изъ Германіи) съ хлѣбомъ, поданнымъ безпрепятственно, безъ предъявленія хлѣбныхъ карточекъ. Около 4—5 часовъ утра мнѣ съ трудомъ удалось найти мѣсто въ офицерскомъ вагонѣ переполненнаго до отказа *Urlauber-Zug*'а съ которымъ я прибылъ 2-го октября (ст. ст.) въ Скальміерцице. Отойдя немного отъ Калиша, поѣздъ почему то замедлилъ ходъ и остановился чуть ли не среди поля. И вотъ внезапно съ обѣихъ сторонъ поѣзда появляются торговки съѣстнымъ, главнымъ образомъ хлѣбами.—женщины и дѣти,—и все населеніе поѣзда наперерывъ спѣшитъ сдѣлать послѣднее пополненіе увозимыхъ на родину запасовъ продовольствія. Послѣдній привѣтъ Россіи, хотя и давно занята нѣмцами! Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ остановился у

платформы съ длиннымъ кирпичнымъ зданіемъ. Я былъ въ Германіи.

II

ГЕРМАНИЯ ПОСЛѢДНИХЪ НЕДѢЛЬ ДО ПЕРЕВОРОТА.

Въ дни моей юности, до войны, я бывалъ въ Германіи нѣсколько разъ, и не одно превосходно проведенное лѣто у меня было связано съ ней. Но я не имѣлъ никакого опыта въ веденіи какихъ бы то ни было официальныхъ переговоровъ ни съ нѣмцами, ни съ иностранцами вообще, а такіе переговоры связаны съ особенностями, свойственными только имъ, которые послѣ только что пережитой войны тѣмъ рѣзче должны были сказаться, поскольку всякая, даже самая ничтожная миссія международнаго характера неизбежно связана съ чрезвычайно напрягающимъ нервы сознаниемъ представительства своей національности, — если не своего государства. Я былъ увѣренъ, что путь къ какимъ бы то ни было достижениямъ въ этой области для русскаго лежитъ черезъ возможно полное усвоеніе западно-европейскихъ формъ, что успѣшное рѣшеніе всякой задачи этого порядка въ значительной степени зависитъ отъ умѣнья русскаго уполномоченнаго пользоваться ихъ-же, западнымъ методомъ общенія, споровъ и борьбы, но я даже не ставилъ себѣ вопроса, насколько я самъ усвоилъ эти формы и методы вообще и насколько я сумѣю ихъ использовать въ данномъ случаѣ. Еще менѣе я былъ склоненъ подвергать критикѣ свою увѣренность въ неизмѣнной непогрѣшимости этого пути. Во всѣхъ сомнительныхъ и трудныхъ для меня почему либо случаяхъ я поступалъ довольно безотчетно и непосредственно, такъ, какъ мнѣ подсказывалъ внутренній голосъ. Конечно, я дѣлалъ при этомъ не мало ошибокъ. Смѣю думать, однако, что всѣ онѣ не принесли никакого вреда ни одному русскому военноплѣнному и что если кто нибудь отъ нихъ страдалъ, то только я самъ, вспоминая о нихъ впоследствіи.

* * *

Заявивъ о себѣ коменданту станціи, я отправился, по указанію послѣдняго, въ комендантуру лагеря, которая находилась въ самомъ мѣстечкѣ Скальміерцице. Тамъ мнѣ сказали, что коменданту будетъ доложено, но что я, вѣроятно, не раньше вечера буду поставленъ въ извѣстность о его распоряженіи относительно пропуска моего въ лагерь, такъ какъ необходимо, чтобы прибылъ офицеръ, говорящій по-русски, который долженъ будетъ присутствовать при моихъ разговорахъ съ русскими военноплѣнными. Цѣлый день у меня былъ такимъ образомъ свободенъ, и я позаботился прежде всего о томъ, чтобы найти пристанище. Это было, какъ и прежде въ Германіи, очень просто. Тотъ же чиновникъ комендантуры направилъ меня въ одну изъ двухъ гостиницъ Скальміерцице, предупредивъ предварительно хозяйку по телефону, и я немедленно получилъ просторную комнату. Заполнивъ опросный листъ (для „Anmeldung“, ибо, пояс-

нила хозяйка, „die Polizei ist streng“) я могъ подумать и объ обѣдѣ. Онъ былъ очень простъ: „Ein Essen, ein Bier“. Никакого выбора. Безъ хлѣба. Хлѣбъ только по предъявленіи хлѣбныхъ марокъ («Brotmarken»). Часовъ въ 8 вечера въ мою дверь постучали. Вошелъ не-большого роста нѣмецкій солдатъ, очень молодой, съ интеллигентнымъ лицомъ. Отчетливо вытянувшись, онъ доложилъ, что, по распоряженію «графа» (комендантъ лагеря имѣлъ этотъ титулъ), завтра утромъ въ 8 часовъ сюда будетъ поданъ экипажъ, который меня доставитъ въ лагерь. Повидимому, меня и мою миссію переоцѣнивали. Но какъ бы то ни было, я поблагодарилъ и просилъ передать, что буду готовъ.

Зная нѣмецкую точность, я на слѣдующее утро въ 7½ час. сошелъ внизъ, въ столовую и заказалъ завтракъ. Онъ состоялъ изъ 2—3 чашекъ какого то суррогатнаго кофе, безъ молока, безъ хлѣба и сахара, съ нѣсколькими чайными ложками полусладкаго варенья, поданнаго на особомъ блюдцѣ довольно торжественно. Въ столовой было еще пусто. Только въ одномъ углу сидѣлъ германскій офицеръ за такимъ же, примѣрно, завтракомъ, какой получилъ и я. Войдя, я его издали привѣтствовалъ, какъ подобаетъ военнымъ людямъ, и сѣлъ за другой столикъ. Послѣ завтрака я провѣрилъ часы. Было безъ 5 минутъ 8, потомъ безъ 3, безъ 2, безъ 1 минуты. Я началъ радоваться въ душѣ: хоть на минуту-другую, а опоздають. Но мое злорадство было немедленно наказано. Въ тотъ самый моментъ, когда я, слѣдя за стрѣлкой, готовъ былъ констатировать опозданіе, раздавался легкій шумъ на улицѣ и передъ подъѣздомъ гостиницы остановилась коляска, запряженная парой лошадей, управляемыхъ солдатомъ. Изъ нея вышелъ пожилой, довольно полный офицеръ. Онъ прибылъ съ точностью не до минуты, а до секунды, т. е. до ужаса точно, до отчаянія точно... Немедленно сидѣвшій въ столовой офицеръ всталъ и, проходя мимо меня, на довольно чистомъ русскомъ языкѣ, пригласилъ меня отправиться съ нимъ. Какъ оказалось, за мной пріѣхалъ самъ комендантъ, полковникъ и графъ. Все это явно не соответствовало ни моему чину, ни важности моего порученія, было мнѣ непонятно и нѣсколько волновало. Впослѣдствіи мнѣ стало ясно, что комендантуры лагерей на мѣстахъ, будучи естественно очень смутно освѣдомлены о положеніи дѣлъ въ Россіи, несмотря на распоряженія и разъясненія изъ военнаго министерства, а, можетъ быть, какъ разъ вслѣдствіе ихъ, не такъ легко готовы были повѣрить, что моя задача исчерпывается «вылавливаніемъ» казаковъ. Имъ въ сущности было мало понятно, почему однимъ русскимъ военноплѣннымъ, ничѣмъ, казалось бы, не отличающимся отъ другихъ, оказывается предпочтеніе, не на основаніи такихъ общепонятныхъ признаковъ, какъ давность пребыванія въ плѣну, раненія, семейное положеніе или чинъ, а на основаніи такого безразличнаго съ ихъ точки зрѣнія признака, какъ происхожденіе изъ опредѣленной мѣстности Россіи. Слово казакъ, повидимому, давно, а, можетъ быть, и вообще не производило того впечатлѣнія, которое нерѣдко пытались изображать въ нашихъ газетахъ, особенно въ началѣ войны. Естественно поэтому, что мое прибытіе сопоставляли съ такими, на примѣръ, вы-

сокими посѣщеніями, какъ г-жи Самсоновой, о горячемъ патриотизмѣ которой отзывались съ большой похвалой, предлагали мнѣ пробовать пищу военноплѣнныхъ, заводили рѣчь о томъ, что теперь къ нашимъ военноплѣннымъ отношеніе настолько хорошее, что имъ собственно живется лучше, чѣмъ бѣднымъ нѣмцамъ и т. п. Послѣднее мнѣ приходилось слышать и отъ начальства лагерей, и отъ военныхъ, и отъ случайныхъ собесѣдниковъ, и даже отъ чиновника „Deutsche Bank“ въ Берлинѣ, мѣнявшаго мнѣ 1000 рублевую «керенку» на германскія марки. Насколько это было вѣрно, не берусь судить. Наши военноплѣнные говорили, конечно, обратное.

По дорогѣ я доложилъ коменданту еще разъ, уже непосредственно, въ чемъ заключается мое дѣло, и узналъ отъ него, что партія въ 12 казаковъ, недавно прибывшихъ изъ внутреннихъ лагерей Германіи, уже составлена и должна быть отправлена въ теченіе ближайшихъ дней на Донъ. Мнѣ предстояло провѣрить этихъ казаковъ съ точки зрѣнія ихъ подлинности въ присутствіи коменданта и офицера, говорившаго по-русски, капитана Л., ѣхавшаго съ нами. Это было очень просто, такъ какъ люди не знали, для чего производится опросъ и, слѣдовательно, не имѣли основанія лгать; но торжественность, которой это простое дѣло обставлялось, меня нѣсколько смущала. Мы проѣхали проволочныя загражденія и оставили экипажъ; казаки были построены черезъ нѣсколько минутъ, и путемъ личнаго опроса я выяснилъ, что среди нихъ только 12 человѣкъ солдатъ, хотя и уроженцевъ Дона, но не природныхъ казаковъ, а такъ наз. иногороднихъ. По смыслу моей инструкціи я долженъ былъ настаивать передъ начальствомъ лагеря о замѣнѣ этихъ 12 человѣкъ, измученныхъ, истосковавшихся и уже готовыхъ къ отъѣзду на родину, казаками, которыхъ еще не было въ Скальміерцице. Но слишкомъ явно нелѣпой была бы подобная настойчивость, которая задержала бы отправку всего эшелона еще на неопредѣленное время, слишкомъ жестокой по отношенію къ этимъ 12, «оставляемымъ» въ самый послѣдній моментъ, слишкомъ большой технической помѣхой въ дѣлѣ отправки на родину вообще, чтобы я могъ не согласиться тотчасъ же съ доводами нѣмцевъ. Я никогда не умѣлъ и не умѣю бороться противъ логики, даже въ своихъ собственныхъ интересахъ, даже по приказанію начальства. Я ограничился указаніемъ, что, оставаясь въ Скальміерцице и занимаясь провѣркой уже готовыхъ къ отправкѣ составовъ эшелоновъ, я, очевидно, каждый разъ буду стоять передъ уже совершившимся фактомъ и лишенъ буду возможности вообще что либо сдѣлать съ точки зрѣнія смысла моего порученія. Мнѣ отвѣтили, что объ этомъ подумаютъ. Затѣмъ мы прошли къ офицерскому барраку. Того, что я пережилъ, подходя вмѣстѣ съ германскимъ начальствомъ къ выстроившимся въ одну шеренгу на подобіе нижнихъ чиновъ русскимъ офицерамъ съ генераль-маіоромъ (кстати, донскимъ) на правомъ флангѣ, я никогда не забуду... Но трудно передать эту странную и мучительную смѣсь чувства обиды за Россію и сознанія своего въ данную минуту положенія какъ бы на сторонѣ нѣмцевъ... Потомъ я немедленно представился генералу, сообщилъ ему, что по соглашенію съ нѣмцами атамана Краснова, гене-

ралы должны быть отправлены въ первую очередь, что онъ, собственно уже долженъ бы былъ быть на Дону (тоже самое я повторилъ коменданту и капитану Л.), былъ въ офицерскомъ баракѣ, говорилъ съ офицерами, читалъ имъ приказъ по Войску атамана. Капитанъ Л. имѣлъ деликатность оставить насъ и не присутствовать при нашемъ разговорѣ. Само собой понятно, предпочтеніе казакамъ, которое я привезъ, вызвало цѣлую бурю среди офицеровъ не-казаковъ, которыхъ было большинство... Что я могъ сдѣлать?.. Только одно: *laisser passer, laisser faire* такъ, какъ было налажено нѣмцами. Затѣмъ я опять говорилъ съ комендантомъ на перекресткѣ чистенькихъ, усыпанныхъ пескомъ дорогъ расположенія лагеря. Его тонъ сталъ менѣе официальнымъ. Онъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ, поговорилъ о тяжеломъ положеніи Германіи и простился. Мы съ капитаномъ Л. вернулись пѣшкомъ въ Скальміерцице... Таковъ былъ мой дебютъ, оставившій не мало горькаго осадка.

Вечеромъ того же дня, въ столовой гостиницы въ то время, когда я сидѣлъ за «одной ѣдой и однимъ пивомъ», уже не безъ удовольствія поглощая первую, состоявшую главнымъ образомъ изъ капусты, ко мнѣ подошелъ столь отчетливо рапортовавшій наканунѣ ординарецъ и попросилъ разрѣшенія сѣсть за мой столъ. Мы немедленно разговорились. Это былъ почти юноша, со среднимъ образованіемъ, тяжело раненый на Западномъ Германскомъ фронтѣ въ 15 или 16 году, и нынѣ исполняющій какую то канцелярскую работу въ комендантурѣ. Въ этотъ вечеръ я впервые почувствовалъ, съ какимъ ожиданіемъ и какою вѣрою нѣкоторая часть Германіи смотритъ на Востокъ (не на юго-востокъ, а на сѣверо-востокъ), какъ она ждетъ новаго избавительнаго слова оттуда и какъ она жаждетъ мира...

Черезъ два дня комендантура увѣдомила меня, что согласно телеграммы изъ Берлина меня просятъ прибыть туда въ *Unterkunfts-Kriegsdepartement* Военнаго Министерства для переговоровъ. На слѣдующій день утромъ я долженъ былъ выѣхать и по дорогѣ встрѣтиться съ капитаномъ Л. Послѣдняго однако не случилось. Вслѣдствіе разсѣянности я во время пересадки въ Острово попалъ не на тотъ поѣздъ и поѣхалъ въ Берлинъ инымъ путемъ. Замѣтивъ ошибку, я тотчасъ же заявилъ объ этомъ коменданту одной изъ узловыхъ станцій (кажется, это была Лисса), но возстановить потерянное согласованіе уже не оказалось возможнымъ и я съ его согласія просто отправился дальше кратчайшимъ путемъ. Только въ Саганѣ, уже около 12 часовъ ночи я попалъ на прямой поѣздъ на Берлинъ. Такъ какъ я поѣхалъ въ формѣ и при оружіи, я естественно возбуждалъ любопытство многочисленныхъ спутниковъ. Сначала они присматривались, потомъ, найдя какой нибудь ничтожный поводъ, пытались заговорить. Я старался быть возможно любезнѣй, говорилъ много и охотно. Черезъ 1/2 часа разговоръ обыкновенно шелъ уже оживленный. О пораженіи Германіи, тяжеломъ положеніи населенія и близости переворота говорили совершенно откровенно и, какъ я могъ замѣтить, чѣмъ ближе къ Берлину, тѣмъ легче и свободнѣй. Отношеніе ко мнѣ, которое я невольно сразу чувствовалъ, со стороны моихъ спутни-

ковъ, уже тогда, а еще болѣе впоследствии, было собственно двойное. Либо преобладала еще неизжитая вражда къ Россіи—такіе собесѣдники были мало разговорчивы, вставляли только короткія замѣчания или вопросы, въ которыхъ чувствовались холодъ, враждебность, обида за свою родину. Среди собесѣдниковъ этой группы преобладали женщины. Либо — не было и тѣни вражды къ Россіи одна жажда мира, ожиданіе «свѣта съ Востока». Изъ такихъ собесѣдниковъ у меня особенно остался въ памяти одинъ сельскій хозяинъ, просившій меня взять его съ собою въ Россію, и одна дама, послѣ долгаго молчанія рѣшившаяся обратиться съ вопросомъ: „Herr Rittmeister, was sind eigentlich Bolschewiken?“ — Bolschewiken sind die radikalsten Sozialdemokraten, gnädige Frau“, — пояснилъ я довольно неопредѣленно. Вопросъ былъ заданъ съ такой великолѣпной непосредственностью, что мнѣ не хочется пройти мимо, не указавъ на него. — Дорожная усталость взяла свое и я заснулъ среди разговора. Меня разбудилъ рѣзкій свѣтъ въ глаза. Поѣздъ стоялъ на одномъ изъ вокзаловъ Берлинской городской жел. дороги. Утренній холодокъ, легкая дрожь отъ недоспанной ночи, въ сѣромъ разсвѣтѣ знакомые силуэты собора, музеевъ... Наконецъ, вокзалъ Фридрихштрассе. Откуда это странное волненіе? Неужели это тотъ самый Берлинъ?

Ровно въ 10 часовъ утра того же дня, — это было 16 (29) октября, — я явился въ департаментъ Военнаго Министерства, какъ и было условлено еще въ Скальміерцице. Меня принялъ капитанъ фонъ Ш. чрезвычайно любезно и предупредительно. Онъ предложилъ немедленно устроить небольшое собесѣдованіе по моему дѣлу. Вскорѣ прибылъ и капитанъ Л., съ которымъ мы встрѣтились такимъ образомъ на сутки позже, а также еще два или три офицера департамента. О провѣркѣ всѣхъ русскихъ военноплѣнныхъ во всѣхъ внутреннихъ лагеряхъ Германіи путемъ личнаго опроса, естественно, не могло быть и рѣчи. Оставалось только одно: просмотръ на мѣстахъ, въ комендантурахъ карточныхъ каталоговъ и опросъ только въ тѣхъ случаяхъ, которые возбудили бы сомнѣнія, какъ симуляціей «казачества», такъ и обратнаго. Но и эта работа представлялась чрезвычайно громоздкой: лагерей было много, они были разбросаны по всей Германіи, подчинены непосредственно командованію отдѣльныхъ корпусовъ («замѣстительному», „des stellvertretenden Kommandos“), карточные каталоги безконечны. Министерство готово было итти навстрѣчу, какъ могло. Мнѣ предложили начать объѣздъ съ лагерей, расположенныхъ въ предѣлахъ III армейскаго корпуса, ближайшихъ къ Берлину, обѣщали предупредить комендантовъ, дать мнѣ спутника офицера, свободный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и вообще всякую необходимую и возможную помощь. Капитанъ Л., говорившій по-русски, долженъ былъ вернуться къ мѣсту своей службы въ тотъ же день. Въ дальнѣйшемъ такую мѣру признали излишней и меня сопровождали, смѣняя другъ друга, различные офицеры, по русски не говорившіе. Не буду описывать подробно своей работы въ тѣхъ 5 лагеряхъ (Коттбусъ, Губень, Кроссенъ, Франкфуртъ н. О., Бранденбургъ), въ которыхъ я успѣлъ побы-

вать. Вездѣ было примѣрно одно и тоже: отличный порядокъ и освѣдомленность и... полная безнадежность найти какіе либо слѣды «казачества» въ безконечномъ однообразіи мелькавшихъ карточекъ. Въ лучшемъ случаѣ я нашелъ 4—5 казаковъ, въ двухъ лагеряхъ я не могъ обнаружить ни одного. Въ слѣдующую группу лагерей (гвардейскаго корпуса) я уже не попалъ. Событія въ Германіи помѣшали дальнѣйшему осуществленію плана и, тщетно прождавъ еще нѣкоторое время, я уѣхалъ обратно, получивъ отъ департамента Министерства письмо на Донъ, въ которомъ оно, ссылаясь на измѣнившіяся обстоятельства, сообщало о невозможности въ будущемъ составлять и отправлять спеціально казачьи эшелоны военноплѣнныхъ. Не въ этомъ, думается мнѣ, интересъ и цѣнность моихъ воспоминаній, — если онѣ вообще имѣютъ какой либо интересъ и какую либо цѣнность, — а именно въ томъ, что въ мою задачу собственно не входило, что я видѣлъ и слышалъ попутно, между прочимъ во время своихъ поѣздокъ. Смѣю думать, что я былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ, посѣтившихъ Германію послѣ войны. Быть можетъ, кое что изъ того, что я могъ наблюдать, и заслуживаетъ сохраненія болѣе прочнаго, чѣмъ это возможно въ моей памяти.

* * *

«Стало тихо у насъ въ Берлинѣ, не правда-ли?» — спрашивалъ меня на прощанье капитанъ фонъ Ш. Тишина на улицахъ города въ эти дни дѣйствительно, могла бы поразить всякаго, кто бывалъ здѣсь раньше. Но не тишина сама по себѣ останавливала мое вниманіе. Вездѣ чувствовалась какая то мрачная готовность, увѣренность, что сдѣлано все, что только было возможно, что всякій нѣмецъ на своемъ посту претерпѣлъ до конца. „*Wir sind geschlagen, — das muss gesagt werden*“. „*Nun ist es aus!*“ „*Nun geht es los!*“. Подобныя фразы мнѣ часто приходилось слышать и въ ресторанахъ, и на улицахъ. Нужно было только немного прислушаться, чтобы уловить ихъ за прежними военными формулами, которыя еще сохранялись, все болѣе и болѣе пустѣя и переживая себя.

И другое было замѣтно всюду, на каждомъ шагу: острая нужда въ самомъ необходимомъ, особенно въ продовольствіи. Также чисты были «винные рестораны» (*Weinrestaurants*), также прямо стояли и ходили кельнеры во фракахъ, подавая за столами, накрытыми бѣлыми скатертями изъ тонкой шуршащей бумаги обѣды изъ 4-хъ блюдъ за 12 марокъ (ок. 12 рублей по курсу) и выше. Но для того, чтобы получить „*eine Scheibe Brot*“ (50 граммъ), надо было дать хлѣбную марку; если въ меню входило мясное, говяжье блюдо, нужно было за него отдать соотвѣтствующее количество мясныхъ марокъ. Рыба отпускалась свободно, но порціи были малы, и она въ меню часто замѣнялась жареными устрицами съ капустой или чѣмънибудь подобнымъ. Изъ мясныхъ же блюдъ, отпускавшихся безъ марокъ, особенно въ ходу были заяцъ, кроликъ и голубь. Сравнительно легко можно было получить безъ марокъ 2—3 вареныхъ картофеля къ мясному блюду, за небольшую прибавку къ чаевымъ прислугѣ. Подпольная торговля, впрочемъ, несомнѣнно существовала.

Въ одномъ изъ хорошихъ ресторановъ Берлина «оберъ» предложилъ мнѣ однажды вмѣсто кролика говяжье блюдо, которое потомъ, въ счетъ вошло подъ именемъ тортелетокъ и за которое я уплатилъ 9 марокъ, но не предъявивъ мясныхъ марокъ. Внѣ Берлина со мной также бывали подобные случаи. Такая же картина была и въ пивныхъ ресторанахъ (*Bierrestaurant*). Но въ нихъ преобладали кельнерши, чего я прежде въ Берлинѣ не наблюдалъ, не улыбающіяся и развязныя, какъ когда то въ Мюнхенѣ, а сосредоточенныя и серьезныя. Въ Берлинѣ вообще перестали улыбаться. Только ночныя женщины, забѣгая впередъ и внезапно обгоняя на пустынныхъ улицахъ въ глухой часъ ночи, пытались изобразить легкую и веселую жизнь. Ихъ улыбки производили жуткое впечатлѣніе среди тишины и гулкихъ шаговъ рѣдкихъ прохожихъ.

Яицъ и молока не было видно совсѣмъ. Въ самыхъ лучшихъ кафе на Унтеръ-денъ-Линденъ къ суррогатному кофе давали, правда, примѣрно двѣ чайныхъ ложки молока, но такого жидкаго и такого блѣднаго, что оно «кофе» не окрашивало. Это было „*fein*“. Процвѣталъ сахаринъ, но особой любовью не пользовался. Пока я ѣздилъ по лагерямъ, дѣло моего собственнаго пропитанія было легко. Меня приглашали всюду въ офицерскія казино (собранія), гдѣ было и дешево, и гораздо сытнѣе. Въ Берлинѣ мнѣ вскорѣ пришлось искать пропитанія внѣ ресторановъ. И въ эти дни я отправлялся въ гастрономическій магазинъ Кемпинскаго на Фридрихштрассе, гдѣ все таки могъ получить $\frac{1}{4}$ кило „*Jägerwurst*“ и столько же импортированнаго изъ Польши „*Honigkuchen*“, чего то пряникообразнаго, но состоявшаго хоть на половину изъ настоящей муки.

Не лучше было и съ одеждой, и съ обувью. У Вертгейма мнѣ могли предложить безъ „*Bezugschein'a*“ только *Gummimantel* или шубу. *Gummimantel* стоилъ 350 марокъ, шуба $1\frac{1}{2}$ тысячи марокъ. Я остановился на первомъ. Онъ былъ мнѣ необходимъ для штатскаго костюма, которымъ я скоро сталъ пользоваться, отправляясь не по дѣламъ службы. Ни одного воротничка, ни одного носового платка нельзя было купить безъ разрѣшенія. Свободна была только продажа шелковаго бѣлья, очень дорогого. Еще хуже дѣло обстояло съ обувью. Тутъ соблюдалась какая то сложная очередь съ выдачей «бецугшейновъ». Рекламировались, правда «эрзацы» по 35 марокъ пара, но приобрѣсти такихъ ботинокъ я не рѣшился и не могу судить поэтому объ ихъ достоинствахъ.

* * *

Зато вина и вообще спиртныхъ напитковъ было сколько угодно. Ими усердно угощали въ офицерскихъ собраніяхъ. Не мало пили и сами нѣмецкіе офицеры. Несмотря на большую ихъ выдержку въ этомъ дѣлѣ, которой я не могу не отмѣтить, нѣкоторые все таки распускались подъ вліяніемъ вина и говорили лишнее, чего мнѣ, гостю и недавнему врагу, конечно, слышать не слѣдовало бы, какъ бы оно ни было незначительно по содержанию (взаимныя сплетни). Я имѣлъ возможность наблюдать ихъ во время всѣхъ этихъ завтраковъ, обѣ-

довъ и ужиновъ (двухъ, къ сожалѣнію, съ добавленіемъ слишкомъ обильнаго количества вина и коньяку) внѣ служебныхъ дѣлъ.

Особенно мнѣ памятенъ вечеръ въ Коттбусѣ, начавшійся въ одномъ изъ ресторановъ города, и продолжавшійся послѣ его закрытія вслѣдствіе приближенія полицейскаго часа въ частной квартирѣ г-на Э., богатаго мѣстнаго текстильнаго фабриканта. Въ тотъ вечеръ было выпито очень много, и необходимость соблюдать въ этомъ дѣлѣ военную дисциплину, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, была мнѣ тяжела. Къ любезному фабриканту мы прибыли вмѣстѣ съ хозяиномъ уже поздно, часовъ въ 11 вечера, послѣ многихъ рюмокъ вина. Тѣмъ не менѣе, насъ встрѣтила его дочь, какъ хозяйка, чтобы сказать нѣсколько любезныхъ словъ и затѣмъ оставить мужскую компанію въ столовой за новыми бутылками вина и коньяку, высокихъ качествъ которыхъ я уже не могъ оцѣнить вслѣдствіе притупленности вкуса отъ предыдущихъ. Вечеръ прошелъ вполне дружественно и непринужденно. Больше всего говорилъ хозяинъ, упоминалъ о завѣтѣ Бисмарка не вести войны съ Россіей и о многомъ другомъ подобномъ и подходящемъ къ случаю. Офицеры увѣряли меня, что какъ Германія, такъ и Россія никогда не смогутъ просуществовать безъ царя („ohne Kaiser“), а въ заключеніе, когда мы уже собирались откланяться, что-то часа въ 2 ночи, любезный хозяинъ указалъ на четверостишіе, выжженое на деревѣ и висѣвшее у него въ прекрасно обставленной столовой:

„Wenn über eine dumme Sache
Nun einmal Gras gewachsen ist, —
Kommt sicher ein Kamel gelaufen,
Das alles wieder 'runter frisst“.

какое и было безъ всякихъ затрудненій (по пьяному дѣлу) принято за формулу вѣчнаго мира между Россіей и Германіей... И только мимолетный взглядъ дочери фабриканта, котораго я не могъ не уловить, несмотря на выпитое вино, мелькнувшій и потухшій, какой то холодокъ, нѣмой укоръ представителю воевавшей съ ея родиной страны прочно остался у меня въ памяти: въ красотѣ этого непосредственнаго порыва во всякомъ случаѣ нельзя было сомнѣваться.

Упомяну еще объ обѣдѣ въ офицерскомъ собраніи лагеря Кроссень. Несмотря на большой тактъ и выдержку сопровождавшаго меня оберъ-лейтенанта Кл., которыхъ я не могъ не оцѣнить, атмосфера за этимъ торжественнымъ овальнымъ столомъ была въ высокой степени напряженная. Здѣсь война въ душахъ людей не была изжита нисколько, разговоръ шелъ съ большими перебоями и съ трудомъ поддерживался. Я чувствовалъ, что всѣ глаза слѣдятъ остро и внимательно за каждымъ моимъ движеніемъ, взвѣшиваютъ всесторонне каждое мое слово, а priori взявъ подъ подозрѣніе его искренность. Но я твердо рѣшилъ не пугаться и не сдаваться и вести свою линію до конца, стараясь обходить слишкомъ рискованныя мѣста, какъ будто нарочно выдвигавшіяся въ разговорѣ хозяевами. Къ сожалѣнію, подробностей разговора въ моей памяти не сохрани-

лось, такъ какъ самый обѣдъ къ моему большому облегченію продолжался ровно столько, сколько нужно было для принятія пищи, и вина было выпито очень мало. Едва окончивъ обѣдъ, мы съ оберъ-лейтн. Кл. просили разрѣшенія встать, поблагодарили, простились съ хозяевами и, рассчитавшись уже по дорогѣ въ переднюю съ ординарцемъ за обѣдъ, отправились на вокзалъ, такъ какъ спѣшили на поѣздъ и каждая минута была дорога. По пути на вокзалъ мой спутникъ слегка неодобрительно отозвался объ этой «слишкомъ официальной» обстановкѣ, при которой прошелъ обѣдъ...

Но изъ всѣхъ германскихъ генераловъ и офицеровъ, которымъ мнѣ приходилось представляться, съ которыми я сидѣлъ за однимъ столомъ въ собраніяхъ или просто разговаривалъ, наибольшее впечатлѣніе производили на меня не молодежь, обыкновенно состоявшая не изъ кадровыхъ офицеровъ, а пожилыя морщинистыя лица, часто бритыя, генераловъ и штабъ-офицеровъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ живо напоминали мнѣ портреты и памятники стараго Мольтке, что казались, несмотря на все индивидуальное несходство чертъ лица, живыми воплощеніями его духа...

• • •

25 октября (7 ноября) я снова прибылъ въ Берлинъ, былъ въ Военномъ Министерствѣ и докладывалъ о мало утѣшительныхъ результатахъ моей поѣздки по лагерямъ III армейскаго корпуса. Однако, представлялось желательнымъ посѣтить еще по крайней мѣрѣ лагери гвардейскаго корпуса (Деберицъ и др.), такъ какъ у меня были свѣдѣнія отъ русскихъ военноплѣнныхъ въ Скальміерцице, что въ этихъ лагеряхъ не мало казаковъ. На слѣдующій день я долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ офицеромъ изъ Деберица, который ожидался утромъ и съ которымъ я долженъ былъ встрѣтиться въ отелѣ. У меня былъ свободный вечеръ, и я рѣшилъ побывать въ оперѣ, въ тотъ вечеръ еще Королевской, на «Саломеѣ» Рихарда Штрауса, которая въ Россіи никогда не ставилась вслѣдствіе запрета духовной цензуры. Впечатлѣнія отъ музыки, игры артистовъ и постановки превзошли мои ожиданія и останутся для меня навсегда однимъ изъ лучшихъ театральныхъ воспоминаній.

III.

«9 НОЯБРЯ» И ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Будучи въ Германіи, я старался слѣдить за политическими событіями и по возможности ежедневно покупалъ и читалъ нѣмецкія газеты. Этотъ матеріалъ я привезъ съ собой въ Новочеркасскъ и хранилъ его. Впослѣдствіи, во время эвакуаціи и путешествія, отчасти на подводахъ, отчасти пѣшкомъ, по Кубани мнѣ его пришлось бросить. Думаю, однако, что жалѣть о его пропажѣ не приходится: событія тѣхъ дней извѣстны хорошо; пытаться излагать ихъ на осно-

ваніи этого, конечно, совершенно недостаточнаго матеріала было бы и отступленіемъ отъ моей прямой задачи, и просто излишнимъ.

Свѣдѣнія объ образованіи совѣтовъ рабочихъ и солдатъ („Arbeiter- u. Soldatenräte“) упорно не сходили со столбцовъ газетъ, такъ же, какъ и вопросъ объ отреченіи Императора. Но мнѣ все же не вѣрилось въ близость и возможность «большевистскаго» переворота въ Германіи, тѣмъ болѣе, что большевистское «посольство» на Унтеръ-денъ-Линденъ какъ разъ незадолго передъ тѣмъ было выслано изъ Германіи послѣ того, какъ обнаружилось, что «дипломатическіе курьеры» его просто занимаются доставкой агитаціонной литературы. 26 октября (8 ноября) мнѣ пришлось убѣдиться, что и Берлинъ, остававшійся до той поры какъ то въ сторонѣ отъ начинавшихся въ портовыхъ городахъ и на югѣ, въ Баваріи, волненій, будетъ неминуемо ими захваченъ.

Въ этотъ день я долженъ былъ выѣхать въ Деберицъ и другіе лагеря, подчиненные инспекціи гвардейскаго корпуса, вмѣстѣ съ офицеромъ, съ которымъ я долженъ былъ встрѣтиться утромъ въ вестибюль гостиницы. Однако, въ назначенный часъ и въ условленномъ мѣстѣ его не оказалось. Прождавъ минутъ 15, я сталъ наводить справки. Оказалось, что поѣздъ изъ Деберица въ то утро не пришелъ. Я отправился въ инспекцію гвардейскаго корпуса (Neustädtische Kirchstraße 16) и тамъ меня просили, ссылаясь на желѣзно-дорожные и общіе непорядки, подождать нѣсколько дней въ Берлинѣ, пока выяснится положеніе и жизнь войдетъ въ свою колею.

27 октября (9 ноября) я вышелъ утромъ изъ гостиницы и дошелъ до Фридрихштрассе, на углу которой мнѣ пришлось повернуть обратно, такъ какъ по ней шла стрѣльба. Перспектива получить пулю здѣсь, въ Берлинѣ, мнѣ не улыбалась и я рѣшилъ не проявлять особеннаго любопытства. Вечеромъ, въ ресторанѣ, я видѣлъ германскихъ офицеровъ безъ погонъ и кокардъ. Замѣтно было «въ воздухѣ» извѣстное возбужденіе, но какъ мало все это было похоже на такіе же дни въ Россіи!

Мнѣ часто приходилось слышать отъ нѣмцевъ фразу: „Der Russe ist hitzig“. Она произносилась на всѣ лады, съ любезной улыбкой и съ отѣнкомъ легкаго пренебреженія и даже раздраженія. Я слышалъ ее такъ часто, что она осталась въ моемъ сознаніи въ видѣ какой то формулы, въ которой кристаллизовались наблюденія нѣмцевъ надъ русскими и ихъ характеромъ, сдѣланные во время войны. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ ней отмѣчалось свойство, рѣзко поразившее нѣмцевъ, то, которымъ они сами не обладали.

Общее оживленіе на улицахъ, замѣтное особенно послѣ тишины и подавленности предшествовавшихъ дней, толпы народа, осматривавшія карнизы и орнаменты на зданіяхъ центральныхъ улицъ Берлина, побитые пулями, солдаты, развѣзжавшіе на грузовикахъ съ красными флагами, — во всемъ этомъ не чувствовалось никакой истерики. Нѣмцы и въ эти дни какъ-то не теряли спокойствія и самообладанія. «Происходитъ неизбежное, оно должно произойти», — такъ я невольно переводилъ настроеніе толпы. Даже солдаты съ красными флагами кричали и привѣтствовали толпы прохожихъ какъ

будто нехотя, какъ будто исполняя обязанность, смыслъ которой имъ неясенъ или цѣль сомнительна. Не было ничего «разухабистаго», дошедшаго «до точки» въ уличныхъ сценахъ. Все происходило, какъ будто съ оговоркой о «приличіи» и чувствѣ мѣры.

Мнѣ пришлось видѣть однажды вечеромъ, какъ солдаты старались посадить въ автомобиль «товарища», такого же солдата, какъ они, всѣми силами отбивавшагося отъ нихъ. Въ толпѣ любопытныхъ на противоположномъ троттуарѣ, гдѣ я остановился на нѣкоторое время, говорили, что этому солдату угрожаетъ разстрѣлъ, будто бы, за какой то провокаціонный выстрѣлъ. Не берусь утверждать, что это было именно такъ, но въ голосѣ арестовываемаго слышалось, дѣйствительно, смертельное отчаяніе. Онъ все время кричалъ, повторяя одну и ту же фразу: „*Helft mir doch, helft mir, Kameraden*“ и ему удавалось нѣкоторое время отбиваться отъ хватавшихъ его и подталкивавшихъ рукъ. Но даже такая сцена проходила сравнительно спокойно, сосредоточенно, не по-русски, безъ всякаго вмѣшательства постороннихъ, безъ всякихъ криковъ со стороны арестовывавшихъ. Они только дѣйствовали и, въ концѣ концовъ, успѣшно. Борьба шла не между революціей и контръ-революціей, а между эксцессомъ и порядкомъ. Такое толкованіе этого единичнаго случая у меня невольно связалось съ воспоминаніемъ о немъ, такъ какъ всѣ послѣдующія наблюденія его укрѣпили и подтвердили.

* * *

Дни неопредѣленности прошли очень скоро. 30 октября (12 ноября) были уже открыты банки, черезъ день или два открылась биржа. 2 (15) ноября я снова былъ въ департаментѣ Военнаго Министерства и встрѣтилъ своихъ старыхъ знакомыхъ на прежнихъ мѣстахъ. Единственная внѣшняя переменна, которая сразу замѣчалась, состояла въ томъ, что офицеры приходили на службу въ штатскомъ и уже здѣсь замѣняли верхнюю часть костюма (пиджаки) военнымъ кителемъ, остававшимся разстегнутымъ, примѣрно, какъ это было принято въ Германіи до войны хотя бы у почтовыхъ чиновниковъ. Но настроеніе было приподнятое. Самъ капитанъ фонъ Ш. собирался ѣхать куда то въ западную часть Германіи по служебнымъ дѣламъ въ связи съ начавшейся демобилизаціей. Я засталъ его въ оживленномъ разговорѣ съ пожилымъ полковникомъ, комендантомъ лагеря въ Шнейдемюлѣ, прибывшимъ вмѣстѣ съ лейтенантомъ, съ жалобой на эксцессы и просьбой указаній. Онъ сообщалъ о случаяхъ неповиновенія нѣмецкихъ солдатъ, объ оскорбленіяхъ, которымъ съ ихъ стороны подверглись старые унтеръ-офицеры, объ ослабленіи порядка и дисциплины среди военноплѣнныхъ въ связи съ этимъ, въ частности же о томъ, что русскіе военноплѣнные, объявленные нѣкоторой частью нѣмецкихъ солдатъ «русскими товарищами», просто готовы отправиться группами и по одиночкѣ на свой страхъ и рискъ на родину. Послѣднее, по его словамъ, грозило большими бѣдами. Лишенные продовольствія, продовольственныхъ марокъ, и обычно и денегъ, они неминуемо должны будутъ начать грабить еще на германской территоріи. А въ этомъ случаѣ, разумѣется, будутъ просто разстрѣ-

ляны менѣ революціонными «нѣмецкими товарищами» гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Мое появленіе въ кабинетѣ капитана фонъ-Ш. было поэтому принято, какъ весьма своевременное. Меня очень просили поѣхать вмѣстѣ съ комендантомъ въ Шнейдемюль и постараться «уговорить» русскихъ плѣнныхъ сохранять спокойствіе и порядокъ до момента, уже близкаго, организованной отправки на родину.

— «Можетъ быть, Вы найдете въ Шнейдемюль и казаковъ», — прибавилъ капитанъ фонъ-Ш. Но въ общемъ онъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы удалось что либо сдѣлать для дальнѣйшаго успѣха моего дѣла. Желѣзно-дорожное сообщеніе транзитомъ черезъ Польшу уже не было возможно, такъ какъ поляки разобрали пути у своихъ границъ съ обѣихъ сторонъ и не пропускали никакихъ поѣздовъ въ Германію и изъ Германіи; очень велики были осложненія въ связи съ перемиріемъ въ самой Германіи; соотвѣтствующія военныя учрежденія перегружены дѣлами первостепенной важности и срочности, и т. д. Попутно разговоръ постоянно затрагивалъ условія перемирія:

— «5.000 паровозовъ! н-ое количество вагоновъ!» и т. п. Это проносилось съ мрачной и горькой усмѣшкой.

Какъ бы то ни было, я немедленно далъ свое согласіе отправиться съ полковникомъ и его офицеромъ въ Шнейдемюль, хотя и чувствовалъ всю безнадежность этого предпріятія, полную невозможность повліять какимъ бы то ни было образомъ на настроеніе русскихъ военноплѣнныхъ и сыграть роль сдерживающаго начала. О часѣ отъѣзда меня должны были предупредить по телефону

Вечеромъ за мной зашелъ лейтенантъ Шр., пріѣхавшій съ комендантомъ. Мы должны были выѣхать немедленно и къ утру быть въ Шнейдемюль. Однако, поѣзда, шедшіе на востокъ, были настолько переполнены разѣзжавшимися по домамъ солдатами, что полковникъ предпочелъ отложить отъѣздъ до утра съ тѣмъ, чтобы съ вечера перебраться къ вокзалу отправленія (Bhf. Zoologischer Garten) и обезпечить себѣ такимъ образомъ мѣсто въ вагонѣ. Мы немедленно перешли на другую платформу и сѣли въ вагонъ перваго подошедшаго поѣзда городской жел. дороги. Была суббота. Вагонъ былъ полонъ. Нѣкоторымъ пассажирамъ, въ томъ числѣ и намъ, пришлось стоять. Среди возвращавшейся субботней Берлинской публики царило большое оживленіе. Было нѣсколько, если не пьяныхъ, то сильно выпившихъ (даже женщинъ), которые громко смѣялись, шутили и вели себя непринужденно. Все это проходило въ общемъ въ формахъ довольно приличныхъ. Но тѣмъ не менѣе полковникъ отворачивался и краснѣлъ всякій разъ, когда до его слуха доходила какая нибудь грубоватая шутка или новый взрывъ смѣха. Замѣтно было, что онъ съ трудомъ воздерживается отъ того, чтобы не вмѣшаться и не навести порядка. „Diese trunkene Gesellschaft in der Berliner Stadtbahn am Abend!..“ ворчалъ онъ, идя съ нами уже по улицѣ, послѣ того, какъ мы прибыли. Мы рѣшили переночевать въ первой попавшейся гостиницѣ, по близости, чтобы завтра попасть возможно раньше на вокзалъ. На улицахъ было пусто. Какъ то особенно пу-

сто. Дома стояли темные и мрачные. Ни въ одномъ изъ нихъ не было признака гостиницы. Мы прошли 2—3 квартала въ бесплодныхъ поискахъ. Тогда лейтенантъ Шр., вспомнивъ что-то, повелъ насъ на другую сторону и позвонилъ у одного изъ подъѣздовъ. Тамъ былъ, во второмъ этажѣ небольшой пансіонъ, гдѣ мы и устроились на ночь въ двухъ очень чистыхъ комнатахъ. Одна изъ нихъ была предложена полковнику, въ другой помѣстились мы съ лейтен. Шр.

Двѣ большія мягкія и теплыя деревянныя кровати стояли рядомъ, какъ всегда въ нѣмецкихъ комнатахъ. Было тихо и темно, но я тщетно поворачивался съ одного бока на другой въ своей кровати, ближайшей къ окнамъ, изъ которыхъ глядѣло что то жуткое и тревожное, тщетно пытался не думать и заснуть.

— *Können Sie schlafen?* — услышалъ я голосъ своего сосѣда.

— *Nein!*

— *Ich auch nicht!*

Послѣ этого вступленія у насъ началось что-то не совсѣмъ нѣмецкое: ночной разговоръ въ темнотѣ, въ постеляхъ, шедшій съ какой-то непонятной страстностью и напряженіемъ. Я забылъ, что говорю съ нѣмцемъ, такъ мало похожимъ на насъ, мнѣ казалось, что національныхъ перегородокъ болѣе не существуетъ. Разговоръ все время вертѣлся около событій въ Германіи, попутно задѣвая и Россію. Мой собесѣдникъ пытался мнѣ на примѣрахъ выяснитъ рухнувшій, по его мнѣнію безвозвратно, социальный строй Германіи, обращая особенное вниманіе на корпоративный духъ отдѣльныхъ вліятельныхъ группъ. Вообще, какъ это ни странно, за все время моего короткаго пребыванія въ «революціонной» Германіи я не слышалъ разговоровъ на темы собственно политическія. Мнѣ, напримѣръ, ни разу не приходилось слышать и намека на недовольство хотя бы избирательнымъ закономъ (даже прусскимъ!) или административными порядками. Весь интересъ сосредоточивался, повидимому, на социальныхъ и экономическихъ вопросахъ. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, вынесъ я. На этотъ разъ я слушалъ своего собесѣдника съ напряженнымъ вниманіемъ, часто переспрашивая, прося поясненій. Тема была въ высокой степени интересная, хотя подходъ къ ней скорѣй обывательскій, житейскій, чѣмъ научный. Онъ между прочимъ указалъ мнѣ на тотъ фактъ, что ни одинъ интеллигентный нѣмецъ, отбывшій положенный срокъ военной службы нижнимъ чиномъ и сдавшій всѣ испытанія, не могъ быть произведенъ въ лейтенанты запаса, если собраніе лейтенантовъ запаса его округа выскажется противъ этого. Нѣчто подобное у насъ существовало только въ гвардіи, и то, кажется, не очень послѣдовательно. Но вопросъ о томъ, благо это или зло, такъ и остался открытымъ въ нашемъ разговорѣ. Мой собесѣдникъ утверждалъ, что со всѣмъ этимъ теперь считаются, что предстоитъ пересмотръ этого порядка, что отъ него врядъ ли многое уцѣлѣетъ. Но онъ былъ увѣренъ, что социализмъ, въ особенности, русскій аспектъ его, большевизмъ, въ Германіи побѣды не отпразднуетъ. Онъ считалъ, что изъ всего населенія Германіи, примѣрно, только одна седьмая часть могла бы оказать ему прочную поддержку. Къ сожалѣнію, подробности этого очень интереснаго раз-

говора не были мной своевременно записаны и сейчас я затруднился бы передать ихъ, не рискуя впасть въ большія неточности.

Когда и какъ мы заснули, я уже не помню. Но ночного возбужденія не разогналъ даже сонъ, вдобавокъ недостаточно продолжительный. Утромъ послѣ поспѣшнаго завтрака, за которымъ я даже получилъ къ «кофе» *eine Scheibe Brot*, несмотря на то, что мои хлѣбныя марки давно были израсходованы, мы немедленно отправились на вокзалъ. Пути до Шнейдемуля было часовъ 6—7. И было бы, конечно, пріятнѣе ѣхать сидя. Однако, ни отсрочка нашего путешествія, ни посадка на вокзалъ отправленія не смогли содѣйствовать этому комфорту. Очень скоро мы уступили наши мѣста подошедшимъ дамамъ и простояли почти всю дорогу. Лейтен. Шр. былъ по-прежнему очень разговорчивъ, но злободневныхъ темъ мы уже не затрагивали, за исключеніемъ, кажется, нѣсколькихъ шпилекъ по адресу поляковъ, отпущенныхъ моими спутниками. Полковникъ даже, не совсѣмъ кстати, процитировалъ извѣстную шутку на латинскомъ языкѣ:

„*Nos, Poloni, non curamus quantitatem syllabarum*“.

Во время этого разговора мнѣ пришлось услышать замѣчаніе, сдѣланное лейтен. Шр., совершенно для меня неожиданное, которое потомъ не разъ заставляло меня задумываться. Онъ сказалъ мнѣ, что изъ всѣхъ русскихъ офицеровъ, которыхъ ему приходилось встрѣчать, самые воспитанные и образованные, по его мнѣнію, казачьи офицеры. Какъ извѣстно всякому, соприкасавшемуся съ нашимъ, русскимъ офицерствомъ, это какъ разъ наоборотъ... Еслибы это былъ просто грубый и плоскій комплиментъ, онъ, конечно, не заслуживалъ бы упоминанія. Но эти слова были сказаны настолько непосредственно и искренне, что я не имѣю права считать ихъ таковыми. А если они были искренни, то они означали только одно: я все время невольно и бессознательно обманывалъ собою относительно тѣхъ, представителямъ которыхъ и образчикомъ я долженъ былъ являться передъ нѣмцами...

Потомъ, гораздо позднѣе, читая воспоминанія нашихъ выдающихся дѣятелей въ области иностранной политики или пропаганды русской культуры за границей, я увидѣлъ, что и имъ приходилось — *mutatis mutandis* — сталкиваться съ этимъ вопросомъ. Въ концѣ концовъ верхи нашей бюрократіи и интеллигенціи, «вывозившіе» насъ въ Европу и Америку, просто нисколько не были похожи на нашу среднюю интеллигенцію, особенно провинціальную. Простой и ясный вопросъ, обращенный къ нимъ всюду внѣ родины, высказанный или невысказанный, — все равно, неизбѣжно всегда долженъ былъ стоять передъ ними: «Похожі Вы на Вашихъ соотечественниковъ?»

Можно отвѣтить: «Да» — продолжать обманывать уже сознательно. Можно отвѣтить: «Нѣтъ» и предостеречь отъ поспѣшныхъ обобщеній. Но въ первомъ случаѣ ложь не дастъ покоя, хотя бы потому, что она ежечасно можетъ обнаружиться. Во второмъ случаѣ неизбѣжны долгія и все таки безрезультатныя разъясненія, обеспе-

чено задумчивое недоумѣніе и недоувѣріе къ русскому «представителю», своихъ соотечественниковъ не представляющему.

Есть, конечно, еще третій выходъ, довольно широко использованный большевиками: посылать за границу людей, которые смѣло могутъ отвѣтить: «да», не рискуя погрѣшить противъ правды. Но... такимъ представителямъ этого вопроса въ Европѣ не предложить...

Впрочемъ, мой случай былъ маленькій и частный. Я отвѣтилъ, что это не совсѣмъ такъ, что въ настоящее время вслѣдствіе войны составъ нашего офицерства, какъ регулярнаго, такъ и казачьяго, очень разнообразенъ, что теперь вообще трудно провести такое сравненіе даже русскому, что впечатлѣнія моего собесѣдника, вѣроятно, простая случайность.

Вечеромъ, въ Шнейдемюль, я былъ въ комендантурѣ лагеря, чтобы узнать о порядкѣ слѣдующаго дня. Этотъ вечеръ тоже останется мнѣ памятнымъ. На слѣдующій день ожидалось прибытіе представителя совѣта рабочихъ и солдатъ (не помню, какого именно и откуда), вызваннаго или посланнаго для той же цѣли, ради какой пріѣхалъ я. Въ канцеляріи, получивъ необходимыя свѣдѣнія, я нѣсколько задержался въ разговорѣ съ лейтен. Шр., и вотъ, вокругъ насъ стали останавливаться и собираться служащіе писаря, чиновники и ординарцы. Дисциплина явно была уже не та. Ихъ было не много, но все же я чувствовалъ себя среди слушателей, настроенныхъ внимательно и доброжелательно. Не буду клеветать на себя. Я не проповѣдывалъ ни большевизма, ни социализма. Но и ярко «бѣлымъ» то, что я говорилъ, назвать было нельзя. Помню, что я кончилъ, ссылаясь на авторитетъ Вернера Зомбарта, пожеланіемъ, чтобы вновь наступилъ въ исторіи Европы періодъ подобный 18-му вѣку, когда люди будутъ переживать и чувствовать національныя особенности и различія не такъ остро, не такъ интенсивно, а, стало быть, и окажутся менѣ склонными къ национальной ненависти. Я говорилъ, кажется, искренне, хотя въ близость такого періода не вѣрилъ и не вѣрю.

На слѣдующее утро мы отправились въ лагерь. Насъ было четверо въ экипажѣ: Комендантъ, въ полной военной формѣ, представитель совѣта рабочихъ и солдатъ, лейтен. Шр. и я. Представитель совѣта былъ небольшого роста человекъ, очень просто, но чисто одѣтый, въ темномъ пальто и мягкой шляпѣ, аккуратно выбритый, скромный и нѣсколько застѣнчивый. Онъ велъ себя, какъ вполне воспитанный нѣмецъ и, еслибы я не былъ предупрежденъ, я ни за что не сказалъ бы, что это и есть представитель революціонной демократіи, — такъ мирно и почтительно онъ говорилъ съ комендантомъ, такъ, видимо, искренне онъ хотѣлъ помочь поддержанію порядка въ лагерь. Съ большимъ удовлетвореніемъ полковникъ сообщилъ намъ, что наиболѣе прискорбные случаи нарушенія дисциплины нѣмецкими солдатами уже ликвидированы: виновные сами убѣдились въ плохихъ результатахъ своего образа дѣйствія и обѣщали впредь подчиняться начальству.

По дорогѣ мы остановились и вышли изъ экипажа. Навстрѣчу намъ по шоссе шла партія русскихъ военнопленныхъ, направлявшаяся на вокзалъ для погрузки и отправки на родину (кажется, на съ-

веръ, „über Ober-Ost“, какъ говорили нѣмцы: тамъ было еще жел. дорожное сообщеніе съ Россіей). Мрачно и угрюмо шли наши плѣнные. Большинство проходило, не обращая никакого вниманія на привѣтствіе коменданта. Немногіе отвѣчали ему кивкомъ головы, а среди послѣднихъ только на 2—3 лицахъ я могъ замѣтить тѣнь улыбки.

Въ самомъ лагерѣ уже не было «старорежимной» дисциплины и строгости. Наши плѣнные не строились. Они просто окружили насъ. По просьбѣ коменданта я повторилъ имъ по-русски, и предупредивъ, что я русскій, всѣ аргументы въ пользу сохраненія повиновенія и порядка ради общаго и прежде всего ихъ собственнаго блага. Меня окружили тѣснымъ кольцомъ. Слышались возгласы протеста и ропоть. Но все это не переходило извѣстныхъ границъ. Я чувствовалъ, конечно, что все сказанное ихъ нисколько не убѣдило, но въ общемъ вынесъ впечатлѣніе, что ничего страшнаго здѣсь не было. Вѣроятно, отправка партіи, которую мы встрѣтили по дорогѣ, уже внесла извѣстное успокоеніе. Такъ какъ объясняться со всѣми сразу не было никакой возможности, представитель совѣта рабочихъ и солдатъ предложилъ для подробнаго обсужденія собрать выборныхъ отъ военноплѣнныхъ, каковыя, оказывается, уже существовали, въ одномъ изъ лагерныхъ помѣщеній. На этомъ и было рѣшено. Толпа разошлась. Тогда ко мнѣ подошелъ русскій врачъ О., военноплѣнный. Представившись, онъ началъ говорить чрезвычайно возбужденно и многословно, ежеминутно отвлекаясь въ сторону и теряя основную нить изложенія, о различныхъ недостаткахъ лагерной жизни, главнымъ образомъ о плохомъ питаніи и плохомъ состояніи медицинской помощи. Все это онъ просилъ «поставить на видъ» коменданту, «потребовать» отъ него перемѣнъ къ лучшему и т. д. Я его предупредилъ, что такого рода выступленія совершенно не входятъ въ мою задачу, но что я готовъ быть полезнымъ и передать его пожеланія и жалобы. Ему, впрочемъ, такъ и не удалось высказаться до конца, такъ какъ всѣхъ насъ пригласили въ помѣщеніе, гдѣ уже собрались выборные.

Представитель рабочихъ и солдатъ началъ свою рѣчь: „Kameraden“... Но какъ мало онъ былъ похожъ на революціоннаго оратора. Онъ говорилъ, какъ пасторъ, опустивъ глаза и сложивъ руки. Онъ старался убѣдить, увѣрить, что война и тяжелыя условія жизни въ плѣну были дѣломъ прежняго, нынѣ не существующаго правительства, что новое правительство хочетъ мира, смотритъ на русскихъ, какъ на «товарищей», всѣми силами будетъ способствовать скорѣйшей отправкѣ ихъ на родину, что это вѣдь и въ интересахъ Германіи и т. д., и т. д. Затѣмъ слѣдовали «но»: тяжелыя условія въ самой Германіи, острота продовольственнаго вопроса, призывъ къ терпѣнію и порядку. Все это я долженъ былъ переводить во время перерывовъ, которые для этого дѣлалъ ораторъ. Не скажу, что это было легко. Не скажу, что я удовлетворительно справился съ своей задачей. Несмотря на полное напряженіе вниманія и памяти, несмотря на все желаніе не упустить ничего, я нерѣдко чувствовалъ, что либо импровизирую, либо упускаю не мало мыслей оратора, или оттѣнковъ. Въ

этомъ дѣлѣ нуженъ большой опытъ, котораго у меня не было. Послѣ рѣчи представителя совѣта рабочихъ и солдатъ комендантъ пригласилъ высказаться желающихъ изъ выборныхъ. Мнѣ предстояло теперь обратное испытаніе. Не помню, говорилъ ли ктонибудь еще. Но до сихъ поръ вижу фигуру врача О., опирающагося одной рукой о столъ и стремительно бросающаго одну жалобу за другой:

— Скажите то-то, скажите то-то, скажите, что санитарное состояніе возмутительно, скажите, что медицинскій персоналъ никуда не годится, скажите, что это неучи, а не врачи, скажите, что...

Въ такомъ стилѣ онъ говорилъ, все болѣе и болѣе приходя въ возбужденіе. Переводить все это въ точности было невысказано. Въ такихъ выраженіяхъ нигдѣ и никогда никакихъ переговоровъ вести нельзя. Правильно я поступилъ или нѣтъ, пусть и объ этомъ судятъ другіе, но конечно, я значительно смягчилъ всѣ рѣзкости. Обо многомъ мнѣ казалось совершенно бесполезнымъ передавать коменданту (напримѣръ объ улучшеніи продовольствія).

— Сказать все это я могу, но будетъ ли отъ этого толкъ? — перебивалъ я не разъ.

— Все равно, скажите.

И я говорилъ. Отвѣтъ былъ на все, конечно, одинъ и тотъ же. Мы готовы идти навстрѣчу Вашимъ желаніямъ, войны между Германіей и Россіей уже нѣтъ. Но Германія сама въ такомъ тяжеломъ положеніи. Условія перемирія, продовольственный вопросъ и т. д.

Возвращаясь съ комендантомъ въ городъ, я чувствовалъ, что ни представитель совѣта рабочихъ и солдатъ, ни я его не удовлетворили нисколько. «Т...ja! das ist...» произносилъ онъ иногда, ни къ кому не обращаясь. Мы простились довольно сухо въ канцеляріи, гдѣ онъ приказалъ изготовить мнѣ бесплатный военный билетъ до Берлина. Лейтенантъ Шр. старался внести ноту примиренія. Онъ просилъ имѣть въ виду, что полковникъ старый офицеръ, который никакъ не можетъ помириться съ новыми порядками, что необходимо это имѣть въ виду, что нельзя за это его осуждать.

Черезъ часъ я выѣхалъ обратно. Поѣздъ шелъ почти пустымъ. Противъ меня въ купэ 2-го класса сидѣла пожилая и молчаливая дама. Вагонъ не отапливался и я исправно мерзъ въ своемъ нисколько не грѣвшемъ *Gummimantel'*. И на душѣ было холодно и пусто. Вечеромъ 4 (17) ноября я снова прибылъ въ Берлинъ.

* * *

5 (18) ноября я узналъ въ департаментѣ Военнаго Министерства, что при теперешнемъ положеніи не приходится и думать объ особой отправкѣ на родину казаковъ. Замѣнявшій капитана фонъ-Ш. лейтенантъ К. былъ какъ будто инымъ человѣкомъ. Онъ старался быть какъ можно проще и уютнѣе, усаживалъ на широкой диванъ, предлагалъ папиросы, принималъ беззаботный видъ *je m'en fiche* иста, ужасался предстоявшей мнѣ дорогѣ.

— Ну какъ Вы поѣдете, — говорилъ онъ, — подумайте: Польша... на Украинѣ тоже безпорядки, что будетъ съ гетманомъ, неизвѣстно. Не лучше ли Вамъ пока переждать, остаться въ Берлинѣ?

Все это мнѣ не особенно нравилось. Предложеніе остаться въ Берлинѣ? Но въ качествѣ чего? Не послѣдуетъ ли чего добраго еще предложеніе поступить на германскую службу? Впрочемъ, эта мысль только мелькнула у меня въ головѣ. Я надѣюсь, что она была результатомъ излишней подозрительности. Я отвѣтилъ такъ сухо, какъ могъ, что во всякомъ случаѣ, несмотря на всѣ затрудненія по дорогѣ, во что бы то ни стало долженъ добраться до Новочеркаска, чтобы доложить своему начальству о результатахъ поѣздки.

— Не поѣдете ли Вы въ такомъ случаѣ черезъ Ober - Ost? Это будетъ удобнѣе. Тамъ у насъ еще есть сообщеніе.

— Я надѣюсь, что поляки меня пропустятъ, — возразилъ я и просилъ дать мнѣ Ausweis въ Кіевъ, а также увѣдомленіе департамента на имя Донского Отдѣла Иностранныхъ Дѣлъ о невозможности въ будущемъ формировать и отправлять казачьи эшелоны.

Это мнѣ было обѣщано на слѣдующій день. Однако, безупречность германскихъ военныхъ канцелярій послѣ переворота все-таки начала нѣсколько хромать. Ни 6 (19), ни въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней мнѣ не удалось получить необходимыхъ бумагъ. А адресъ Passzentrale мнѣ былъ въ Министерствѣ даже указанъ старый, по которому я не нашель этого учрежденія. И только 9 (22) ноября всѣ формальности были кончены.

* * *

6 (19) ноября, день молитвы и покаянія (Bet- u. Busstag) всегда проходилъ въ Берлинѣ тихо и сосредоточенно. На этотъ разъ этотъ день былъ совсѣмъ особеннымъ, такъ какъ были назначены похороны жертвъ революціи.

Послѣ утреннихъ дѣлъ я отправился къ 12 часамъ въ Opernhaus гдѣ при большемъ стеченіи очень скромно, даже бѣдно одѣтой публики былъ отлично исполненъ «Deutsches Requiem» Брамса. Когда я вышелъ на улицу, голова шествія была уже гдѣ то далеко впереди, а по Унтеръ-денъ-Линденъ тянулись безконечные ряды представителей всевозможныхъ рабочихъ и профессиональныхъ союзовъ и корпорацій со своими флагами и знаменами. На троттуарахъ стояла публика. Изрѣдка ктонибудь изъ прохожихъ, отчаявшись дожидаться конца шествія, переходилъ улицу между рядами. Сосредоточенно и молчаливо шли представители. Многие были въ сюртукахъ, бѣлыхъ галстукахъ и цилиндрахъ. И казалось, что этотъ потокъ германской революціонной демократіи, — такой лютеранской и нѣмецкой, — неисчерпаемъ. Я тоже не могъ дожидаться «хвоста» колонны, и, «прорѣзавъ» ряды какого то союза переплетчиковъ или металлистовъ, не помню, — спѣшно вернулся въ гостиницу, чтобы не опоздать къ обѣду. Это шествіе — послѣднее яркое воспоминаніе, которое я увезъ изъ Берлина. Черезъ три дня я его покинулъ окончательно и 10 (23) ноября утромъ снова былъ въ Скальміерцице.

* * *

Невеселъ былъ мой обратный путь. Невеселъ и... тяжелъ. Сообщеніе, поддерживавшееся нѣмцами въ Польшѣ и на Украинѣ, было на-

рушено. Въ послѣдней оно возвращалось быстрыми шагами къ общероссійскому состоянію. Вездѣ были пересадки, вездѣ нужно было ждать, какъ то проводить ночь, искать пристанища. Между тѣмъ, чѣмъ дальше я двигался на востокъ, тѣмъ дороже становились комнаты, тѣмъ труднѣе было вообще найти какое либо помѣщеніе. Въ Кіевѣ цѣны были уже бѣшеныя...

Изъ Скальміерцице я выѣхалъ на подводѣ, которая должна была, пройдя 8 километровъ, доставить своихъ пассажировъ, преимущественно мѣстныхъ евреевъ, въ Калишъ. Мы спокойно проѣхали мимо германскаго унтеръ-офицера, стоявшаго на возвышеніи какой то постройки около шоссе и очевидно изображавшаго границу. Въ отвѣтъ на вопросительный жестъ возницы онъ только махнулъ рукой, не пожелавъ насъ провѣрять и осматривать. Никогда не забуду того... восторга — другого слова не подберу — съ которымъ я съѣлъ въ буфетѣ Калишскаго вокзала въ сухомятку три французскихъ булки, одну за другой, безъ передышки. Но дальнѣйшее уже было гораздо хуже. Поѣзда на Варшаву все не было. Никто не могъ толкомъ сказать, когда онъ будетъ. На вокзалѣ негдѣ было даже сѣсть. Вездѣ дуло. Было холодно. Пришлось перебираться въ городъ, искать гостиницу, возиться съ размѣномъ денегъ (дѣло происходило поздно вечеромъ). На слѣдующій день я все таки попалъ на Варшавскій поѣздъ. Онъ состоялъ, увы, изъ неотопливаемыхъ теплушекъ. Я жестоко мерзъ всю дорогу. Въ Варшавѣ послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я рѣшилъ ѣхать на Луковъ, чтобы оттуда на подводѣ перебраться до Межерѣчья (28 верстъ), а затѣмъ дальше черезъ Голобы на Украйну.

Въ Луковѣ, на станціи нашлись и попутчики: старая еврейка, еврей-комерсантъ и еще нѣсколько ихъ единоплеменниковъ. Мы наняли подводу вскладчину и двинулись въ путь. Уже вечерѣло, когда мы на опушкѣ лѣса услышали громкій окрикъ: „Halt“. Возница придержалъ лошадей.

— Wer da?

Тутъ всѣ мои евреи запѣли хоромъ, каждый свое, такъ что въ общемъ при всемъ желаніи ничего нельзя было разобрать.

— Schon gut. Alles Juden? — раздался снова голосъ. Евреи, по видимому, подозрѣній не возбуждали. Нѣмцы остерегались только поляковъ... Въ отвѣтъ я громко крикнулъ въ темноту:

— Nein! Unter den Juden ist ein russischer Offizier aus dem Dongebiet. Er kommt aus Berlin und geht nach Kiew. Ausweis vom Kriegsministerium.

— Kommen Sie näher, — услышалъ я въ отвѣтъ, — „ich bin ein deutscher Offizier“.

— Двигай, — толкнулъ я въ спину возницу. Я замерзаль въ Gummimantel'ѣ и жаждалъ добраться скорѣе. Къ подводѣ быстро подошелъ германскій офицеръ съ солдатомъ. Я досталъ свой Ausweis. При свѣтѣ немедленно гаснущихъ спичекъ, которыми я пытался освѣтить текстъ своего документа (у нѣмцевъ почему то не оказалось ни фонаря, ни спичекъ), нѣмецкій офицеръ врядъ ли смогъ про-

читать все, что было сказано обо мнѣ и моей поѣздкѣ. Но бланкъ, печать и подпись его, повидимому, вполне удовлетворили.

— *Stimmt. Danke. Sie können fahren!* — кивнулъ онъ.

Въ Межерѣчѣ мои спутники устроили меня въ какомъ то «своемъ» постояломъ дворѣ, гдѣ мнѣ дали поужинать, устроили довольно удобное логовище на 6 стульяхъ, а на утро даже размѣняли нѣскольکو керенокъ, безъ чего я не могъ бы купить жел.-дорожнаго билета до Голобы. Впрочемъ, въ Брестѣ мнѣ пришлось еще разъ ночевать, согласованіе поѣздовъ оставляло желать лучшаго.

* * *

Полная неопредѣленность настроенія царила въ ободранномъ вагонѣ второго класса, въ которомъ я надѣялся добраться отъ ст. Голобы до Кіева. Я былъ въ штатскомъ, но къ моему чемодану была пристегнута ремнями шашка, которую не хотѣлось бросать. На нее очень подозрительно косились спутники, и особенно часто проходившій кондукторъ. Впрочемъ, въ другомъ чемоданѣ было все мое военное платье, и въ случаѣ провѣрки или обыска все это выдало бы меня немедленно, нисколько не хуже, чѣмъ мои документы. Разговоры въ вагонѣ были самые паническіе: о петлюровцахъ, о рѣзнѣ офицеровъ, объ остановкахъ поѣздовъ и ограбленіяхъ и т. п. Но такъ какъ я ничего опредѣленнаго о положеніи на Украинѣ не зналъ, то я рѣшилъ не тревожиться и не распускать своихъ нервовъ. Поѣздъ шель невѣроятно медленно и, дѣйствительно, часто и надолго останавливался среди поля безъ всякихъ видимыхъ основаній. Однако, никакихъ ни «грабежей», ни «провѣрокъ» не происходило, и 16 (29) ноября, поздно вечеромъ я благополучно добрался до Кіева.

Въ Кіевѣ я провелъ три дня, былъ снова у нѣмцевъ, и, на этотъ разъ засталъ капитана фонъ-Л., заключившаго соглашеніе съ Дономъ. Но онъ только подтвердилъ то, что я уже везъ изъ Берлина.

— *Ach, die ganze Welt ist verrückt geworden!* — сказалъ онъ мнѣ на дорогу.

Дальнѣйшее путешествіе было уже настоящей пыткой. Поѣзда были переполнены. Когда они дойдутъ и дойдутъ ли вообще, никто не зналъ. Я продѣлалъ весь путь до Ростова въ теплушкахъ, биткомъ набитыхъ грязнымъ и вшивымъ людомъ и ихъ скарбомъ, слѣдуя черезъ Харьковъ—Полтаву—Никитовку, исправно ожидая на каждомъ изъ этихъ вокзаловъ чуть ли не сутки поѣзда, который неизвѣстно когда отойдетъ. Спать лежа не пришлось уже ни одного часа, и когда я, наконецъ, 23 ноября (6 декабря), часовъ въ 5 вечера, съ «поѣздомъ - молніей» прибылъ изъ Ростова въ Новочеркасскъ, я чувствовалъ себя измученнымъ и усталымъ до послѣднихъ предѣловъ.

Въ самомъ Новочеркасскѣ результатами моей поѣздки уже никто особенно не интересовался. Дѣла на противобольшевистскомъ фронтѣ были плохи и настроеніе было пасмурное.
